

«Сердечность встреч»:
эмоциональный режим оттепели
в комментариях
к правительственным фотографиям

Екатерина И. Викулина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vikulina.rsuh@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается эмоциональный режим оттепели, который находил свое выражение как в журнальных фотографиях этого периода, так и в комментариях к ним. Установка эпохи на искренность реализовывала себя в снимках через экспрессивность жеста, через непосредственность поведенческих реакций. Сопровождающий текст пояснял и усиливал визуальный материал, нередко дублируя смысл изображения, но в то же время сообщал снимку дополнительные коннотации. Эмоциональные высказывания носили, с одной стороны, описательный характер, а с другой – предписывающий, предлагая советским гражданам модель для подражания и правила чувствования. В журнальных публикациях устанавливались эмоциональные нормы, указывались необходимые способы реагирования на те или иные политические события. В статье выделяются три модуса, которые задает текст для нужной интерпретации снимков – «субъектный», «миметический» и «регулирующий». Данное исследование базируется на комментариях, подписях и других текстовых сообщениях, сопровождавших правительственные фотографии в таких всесоюзных журналах, как «Огонек», «Советское фото», «Советский Союз» и др. Внимание уделяется формату публикаций, сопоставлению текста и изображения, их месту в периодическом издании.

Ключевые слова: оттепель, фотография, периодика, эмоциональный режим, репрезентация власти, политический дискурс

Для цитирования: Викулина Е.И. «Сердечность встреч»: эмоциональный режим оттепели в комментариях к правительственным фотографиям // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 108–124. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-108-124

“Heartfelt meetings”.
Emotional regime of the *ottepel'* ('thaw') period
in comments to government photos

Ekaterina I. Vikulina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vikulina.rsuh@gmail.com

Abstract. The article considers an emotional regime of the *ottepel'* ('thaw') period, which found its expression both in magazine photographs of the time and in the comments to them. The era was oriented at sincerity that realized itself in photographs through the affection of a gesture, through an emphasis on the immediacy of emotional reactions. The accompanying text clarified and strengthened a visual part of a publication, often duplicating a meaning of an image, but at the same time added new connotations to a photograph. On the one hand the emotional statements were descriptive, but on the other hand they were prescriptive, offering the Soviet citizens a model to follow. Magazine publications established emotional norms and indicated necessary ways of responding to certain political events. The paper identifies three modes for the desired interpretation of images – 'subjective', 'mimetic' and 'regulatory'. The research is based on comments and other text messages that accompanied government photographs in such popular Soviet magazines as *Ogonyok*, *Soviet Photo*, *Soviet Union*, etc. It focuses on the format of publications, comparing texts and images.

Key words: thaw, photography, periodicals, emotional regime, power representation, political discourse

For citation: Vikulina, E.I. (2022), “Heartfelt meetings”. Emotional regime of the *ottepel'* ('thaw') period in comments to government photos, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 108–124, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-108-124

Правительственные фотографии и комментарии к ним являются собой превосходные источники для изучения политического курса, культурной ориентации общества, его ценностей и норм, в том числе и эмоционального режима. Данная статья фокусируется именно на текстовом сопровождении¹, которое транскрибирует визуальную информацию и сопровождает ее нужными для идеологической интерпретации акцентами.

---

¹ Об эмоциональном репертуаре в снимках оттепели см.: [Викулина 2019].

Ролан Барт высказывал гипотезу, что политическая коннотация заключена именно в тексте, фотография не способна повлиять на политический выбор: «Ни одна фотография никогда никого не убедила и не разубедила (зато она умеет “подтверждать”), поскольку политическое сознание, видимо, не существует вне логоса: политика как раз и делает возможным все языки» [Барт 2003, с. 390]. Текст паразитирует на образе, рационализирует его, сообщает ему нужную коннотацию.

Посредством комментариев к снимкам можно выделить вербальные средства, которые, среди прочего, формируют и поддерживают эмоциональный режим оттепели. По мысли Уильяма Редди, видного американского историка и антрополога, эмоциональный режим – набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов – является необходимой основой любого стабильного политического режима [Reddy 2001, pp. 155, 29]. Эмоциональный порядок сообщества принимает форму идеалов, к которым нужно стремиться, и стратегий, направляющих индивидуальные усилия [Reddy 2001, pp. 62, 124]. Эмоциональные высказывания (эмотивы), по аналогии с речевыми актами, являются констативами, имеют описательный характер, но в то же время являются перформативами, поскольку содержат эффекты самоисследования и самоизменения, они что-то делают с миром [Reddy 2001, p. 111]. Например, описание тех или иных эмоций является в то же время их интенсификацией, которая ведет к ослаблению или модификации других чувств [Плампер 2018, с. 409]. Эмоциональный режим – ансамбль предписанных эмотивов вместе со связанными с ними ритуалами и другими символическими практиками, вроде публичной декларации любви к родине, присяги в армии и т. д. [Плампер 2018, с. 419]. Редди описывает спектр эмоциональных режимов, на краю которого находятся «строгие режимы», регулирующие нормативность эмоциональных выражений, чей эталон формируется посредством церемоний и официальных художественных произведений. В случае несоответствия и нарушения норм следует наказание. На другом краю спектра – режимы, которые используют строгую эмоциональную дисциплину только в определенных учреждениях (армия, школа, духовенство) или только в определенное время года, или на определенных этапах жизненного цикла [Reddy 2001, p. 125].

Теорию Редди продолжила этноисторик Моник Шеер, которая ввела понятие «эмоциональных практик». Их она определила как «манипуляции тела и ума с целью либо вызвать чувства там, где их нет, либо сфокусировать диффузное возбуждение и придать ему понятную форму, либо уже возникшие эмоции изменить или

устранить» [Плампер 2018, с. 433]. По мнению Шеер, у эмоций всегда есть телесный аспект, пусть он даже насквозь пронизан культурой и историей. В связи с этим важно внимание к языку, оперирующему телесными категориями, и к следам любых форм телесного чувствования: «...заставил кровь вскипеть в жилах», «биться в истерике», «дрожь в голосе» и т. д. [Плампер 2018, 439].

В случае журнальных снимков и комментариев к ним мы имеем дело с предписаниями эмоциональных реакций, с указаниями на необходимый способ реагирования на те или иные политические события, на правила выражения чувств. Журнальная пресса являлась рупором эмоциональных норм, наглядно транслируя их посредством изображения лидера, но также и вербальных высказываний, которые имели побуждающий характер и задавали пример для соответствия. При этом язык этих комментариев описывает возникшие эмоции, часто апеллируя к телесным образам.

В качестве примера рассмотрим несколько журнальных статей о зарубежных поездках Н.С. Хрущева, выделив три основных топоса этих публикаций: а) «сердечность встреч»; б) «свой среди своих» и в) «горячий / холодный».

а) «Сердечность встреч»

«Мы за мир, за дружбу, за улыбки милой, за сердечность встреч», – эта строчка из песни, написанной в 1957 г. и ставшей гимном VI Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве, может послужить квинтэссенцией журналистского нарратива в годы оттепели [Викулина 2012].

«Сердечность», «задушевность», «страстность» – такими эпитетами журналисты подписывали фотографии и характеризовали происходящее в кадре общение. В свою очередь, эмоциональность в кадре проявлялась через жесты и мимику, которые становятся более экспрессивными в хрущевский период.

Для власти в период оттепели было важно телесное подтверждение декларируемых идей. Объятие и поцелуй становятся одним из способов их манифестации, через них изображаются и забота о населении страны, и помощь угнетенным народам Африки, и благодарность правительства за выполненное задание. Таким образом, на снимках этого времени поцелуй и объятие приобретают значение политического акта. Их смысл меняется от контекста, в зависимости от того, происходит ли действие во время официального собрания, при встрече с героями страны или с представителями той или иной группы.

На фотографиях Хрущев и окружение скрепляли договора и подтверждали свое дружелюбие многочисленными объятиями

и поцелуями. Им вторила эпоха. Никита Сергеевич прижимал к груди первых космонавтов – Юрия Гагарина и Германа Титова («Отеческие объятия»), те в свою очередь кидались в объятия друг друга («Звездные братья»), а также родных и близких («Радость встречи»). Примечательно, что названия снимков отсылали к родственным связям – этим подчеркивалась теплота отношений, но в то же время указывалась их иерархия.

Так, например, объятия и поцелуи руководителя страны объявляются «отеческими»². Под фотографией «Отеческие объятия», где он целует космонавта Титова³, приведено высказывание Хрущева: «Позвольте мне еще раз *крепко обнять и расцеловать* Вас, как верного, славного *сына* нашей Родины, нашей ленинской партии» [здесь и далее курсив мой. – Е. В.]. Или в другом случае: «Никита Сергеевич Хрущев, *по-отечески*, душевно встретивший Юрия Гагарина на аэродроме, *в трехкратном русском поцелуе выразил всю полноту любви и уважения* народа и партии к человеку, совершившему небывалый подвиг. *Волнующие мгновения* встречи Н.С. Хрущева с Юрием Гагариным запечатлели многие фотомастера»⁴. Таким образом, объятия, изображенные на снимках, дублируются в названиях и подписях, становятся нормой для визуального и словесного выражения.

Характерна фраза, сказанная Юрием Гагариным перед полетом, в заключение своего заявления для печати и радио: «Как бы мне хотелось вас всех *обнять*, знакомых и незнакомых, далеких и близких!»⁵. Объятия Гагарина после его приземления происходили с такой страстностью, что наносили даже увечья, как в случае с академиком В. Париным, поцарапавшим щеку о жесткий шлем⁶.

Для оттепельной власти становится важен эмоциональный контакт и жест прикосновения, она распахивает свои объятия миру. Подобную сенсуализацию оттепельной власти можно рассматривать в качестве демонстрации семейственного принципа

² За исключением товарищей по партии, которых Н.С. Хрущев целует «по-братски»: «В путь, товарищи! До свиданья, – говорит Никита Сергеевич, крепко, по-братски обнимая и трехкратно целуя каждого из окружающих его товарищей – руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства» (Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. М., 1960. С. 46–47).

³ *Сметанин В.* Отечественные объятия [Фото] // Советское фото. 1961. № 9. С. 2–3.

⁴ *Рябчиков Е.* Образ героя // Советское фото. 1961. № 7. С. 5.

⁵ *Гагарин Ю.* Слово перед стартом // Советский Союз. 1961. № 6. С. 16.

⁶ Земля: Взгляд из космоса // Там же. С. 29.

социальных отношений. Кроме того, здесь можно также усмотреть модус искренности, его повышенный градус в сравнении с холодной сдержанностью сталинского канона. Наконец, посредством объятий и поцелуев мы имеем дело с политической манифестацией единения, с неразделимостью власти и народа, которая выражается в физическом акте. При этом народ как таковой предстает в качестве субъекта действия, наделяется сердцем и кидается в объятия советскому лидеру.

В текстах постоянно делается акцент на сердечности и душевности происходящей встречи: «После торжественной и *сердечной* церемонии встречи Н.С. Хрущев, Р. Прасад и Дж. Неру в открытой машине отправляются в город. *Приветственные возгласы* переливаются от края до края. Казалось, на эту загородную дорогу, на эти улицы и площади вся Индия принесла *сердечную любовь и поклон* посланцу великого народа-друга, человеку с *большим и открытым сердцем*»⁷. На сопровождающих этот текст снимках показан Н.С. Хрущев, беседующий с Неру, проезд премьера в открытой машине по улицам Дели, ликующие жители индийской столицы.

Впрочем, описание всенародной любви встречается и в репортажах из других поездок главы советского государства. Например, в очерке о визите Н.С. Хрущева и советской делегации в Албанию приводятся слова Первого секретаря ЦК Албанской партии труда Энвера Ходжи: «Сегодня албанский народ встречает вас с *распростертыми объятиями, с раскрытым сердцем, с чувством огромной радости*»⁸.

Толпы встречающих людей, приветствующих и протягивающих для пожатия руки, многочисленные репортеры с камерами – вот визуальный ряд материалов о поездках советского правительства. Снимки людской массы монтируются на журнальной полосе со снимками премьера, приветствующего народ. Советского главу сопровождает кортеж из правительственных машин, сам он едет в открытом автомобиле, откуда машет американцам. В другом случае Хрущев изображается в центре толпы и держит на руках ребенка, пожимает руки, общается с собравшимися: «Глава Советского правительства нашел ключ к *сердцам* американцев. Чем дольше длилась поездка, тем *горячее* становился прием, оказываемый ему простыми людьми Америки»⁹.

⁷ Драчинский Н. Дорога цветов // Огонек. 1960. № 8. С. 1.

⁸ Новиков А. Албания встречает советских друзей [Фото] // Огонек. 1959. № 23. С. 1.

⁹ [Автор снимка не указан, предположительно Анатолий Гаранин] // Советский Союз. 1959. № 11. С. 26.

«Сердечные приветствия, дружеские рукопожатия, душевные беседы. Это можно наблюдать в любой деревне, на остановках в пути, в квартирах – всюду, где появлялся Н.С. Хрущев», – пишет «Советский Союз» о визите главы государства в Австрию¹⁰. «Франция раскрывает свое сердце», – еще один подзаголовок в журнале «Советский Союз»¹¹. «Советское фото» сообщает о том, что французы приветствовали Никиту Сергеевича «восторженно, с искренней сердечностью»¹².

«Советский Союз» описывал накал любви и дружбы между СССР и Францией следующими текстами: «Полиция не справилась с напором огромной дружелюбной толпы, цепь была прорвана, и автомобиль Н.С. Хрущева оказался в бурлящем водовороте человеческих тел. Однако ничего опасного не произошло, только помяли машину»¹³. В тексте акцентировалась также мимика советского премьера: «У Верденского монумента победы Н.С. Хрущева встретили девочка в облике Марианны, олицетворяющая Францию, и мальчик в казачьей одежде, который должен был олицетворять Россию. Когда Никита Сергеевич спросил, чего бы она хотела, та ответила по-русски: “Чтобы детям не угрожала война”. На лице советского премьера дрогнули от волнения мускулы. Он поднял ребенка на руки и пообещал сделать все, чтобы дети жили в мире и даже не знали слово “война”». Снимки в номере иллюстрировали «потепление» франко-советских отношений: торжественный кортеж по улицам Бордо, народные толпы на улицах Парижа, встречи в верхах, счастливого Хрущева с подаренными ему початками кукурузы.

«Огонек» свидетельствовал: «На улице Никита Сергеевич беседовал с детьми, торопящимися в школу, с прохожими, заглянул в магазин. Но когда он вышел из ворот посольства на следующее утро, то уже не мог сдвинуться с места. Огромная толпа кино- и фоторепортеров, радиокомментаторов с микрофонами, журналистов сплошь загроудила улицу»¹⁴. На сопровождающих этот текст фотографиях Хрущев приобнимает детей, размахивает шляпой, эмоционально жестикулирует¹⁵.

¹⁰ СССР – Австрия: Дружбе расти и крепнуть // Советский Союз. 1960. № 8. С. 54.

¹¹ Визит дружбы и мира / Н. Грибачев, В. Володкин, В. Соболев; Агентство «Ассошиэйтед Пресс». Снимки, посвященные визиту Н.С. Хрущева во Францию [Фото] // Там же. № 5. С. 4–5.

¹² Советское фото. 1960. № 5. С. 5.

¹³ Грибачев Н. Визит во Францию // Советский Союз. 1960. № 5. С. 30.

¹⁴ Драчтинский Н. Париж, Берлин, Москва // Огонек. 1960. № 22. С. 2.

¹⁵ Драчтинский Н., журнал «Фрайе Вельт» [Фото] // Там же. С. 1–3.

Народную страсть, колеблющуюся в интервалах между любовью и дружбой, характеризует также этот фрагмент: «Дружить – было лейтмотивом всех встреч во Франции. Дружить – настойчиво слышится сейчас на наших предприятиях и колхозах. Дружить – звучит в сотнях писем, идущих сейчас в адреса советских газет. И, ощущая эту обоюдную тягу двух великих народов друг к другу, невольно вспоминаешь плакат знаменитого французского художника Жака Эффеля, который во время визита мы видели повсюду. На нем были изображены целующимися девочка в традиционном костюме Марианны и мальчик в русской рубашке. Теперь можно понять успех этого скромного плаката. Художнику удалось в шуточной форме выразить то, о чем думают, о чем мечтают французский и советский народы»¹⁶. На соседних фотографиях Хрущев машет букетом, а французский народ в ответ ему – флагами и зонтиками, девочки в Дижоне дарят Хрущеву и супруге букеты цветов, советский лидер встречается с рабочими автомобильного завода и Морисом Торезом.

Через метафоры языка народ описывается как единый организм, который имеет сердце, может обнимать, пожимать руки, улыбаться. Это указывает на антропоцентричную модель мира, где тело и его части рассматриваются как первичная основа его концептуализации.

История знает примеры, когда общество воспринималось как единый организм, члены которого представляли различные социальные группы, что находило отражение в отдельных жестах [Гудков, Ковшова 2007, с. 117]. Эпоха оттепели чувствительна к телесной метафорике и прибегает к соматическим фразеологизмам, чтобы направить читателя журналов к нужной интерпретации происходящих событий. Напомним, что сам фразеологизм строится на метафоре, предполагающей сопоставление несопоставимого, выражает представление об устройстве мира и отношение к обозначаемому¹⁷. Образный компонент фразеологизма порождает культурную коннотацию и начинает играть роль культурного знака, выполняет функцию символа, эталона, стереотипа [Гудков, Ковшова 2007, с. 92].

---

¹⁶ Полевой Б. 11 дней, которые останутся в истории // Там же. № 15. С. 29.

¹⁷ «Сквозь призму образа, данного в буквальном прочтении фразеологизма, говорящий/слушающий видят, осознают и оценивают происходящее в действительности. <...> Само появление тропа как основы внутренней формы фразеологизма обусловлено сложившимися в культуре архетипическими противопоставлениями, мифологическими представлениями об устройстве мира и т. п.» [Гудков, Ковшова 2007, с. 101].

б) *Образ Хрущева: «Свой среди своих»*

Власть обладает способностью к мимикрии, она отражает надежды и чаяния масс, узнающих себя в советском лидере. Это подчеркивается в повторяющихся жестах Хрущева и народа в журнальных фотографиях, но вместе с тем это акцентируется в сопровождающих текст снимках. Радость ликующей толпы, улыбки людей – это отраженный свет, реакция на сияющее лицо советского лидера. Фотокорреспонденты В. Володкин и С. Смирнов вспоминают фотосъемку в Марселе: «Французы увидели улыбку нашего премьера, и на их лицах зацвели улыбки...»¹⁸ Таким образом утверждается правильность эмоционального выражения, которое подхватывается окружением. Лидер выступает как эталон для подражания, он транслирует поведенческие нормы, но в то же время является воплощением массы, которая узнает себя в нем.

Борис Полевой пишет: «Вся Франция *улыбается*. Люди, выстроившиеся на перекрестках дорог, вдоль улиц, *с просветленными лицами и добрыми улыбками* встречают московского гостя»¹⁹. Автор подчеркивает, что несмотря на свое высокое положение, Н.С. Хрущев – «*простой, сердечный, улыбающийся людям человек*»²⁰. На сопровождающих снимках мы видим Хрущева, держащего маленького марсельца, а также толпу парижан, приветствующую главу Советского государства.

Фотографии, сделанные во время визита Н.С. Хрущева во Францию, отличаются большой эмоциональностью жеста. Они монтируются на полосе со снимками размахивающих руками французов, которые отвечают такой же страстностью, повторяя приветственный жест премьера.

Борис Полевой пишет о сердечном контакте Хрущева с народом Франции, который принимает его как «своего»: «И еще одно, по-моему, убедительное в условиях Франции свидетельство успеха. Бордоский винодел сказал, что Никита Сергеевич очень похож на бордосца. Мэр города Марселя заявил в своей официальной речи, что его гость – настоящий марседец. А в Дижоне Никита Сергеевич опять услышал, что он похож на дижонца!»²¹. В статье приводится цитата из французской газеты: «Летая со скоростью 800 километров и разъезжая со скоростью 140 километров в час, “господин К.” продолжает очаровывать французов»²².

¹⁸ Советское фото. 1960. № 5. С. 6.

¹⁹ Полевой Б. Маршрутами дружбы // Огонек. 1960. № 14. С. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

«Юг Франции встретил Никиту Хрущева как “своего”, с истинно французским гостеприимством, *веселым, простым и непосредственным*. И сам гость среди этих *теплых* знаков внимания, видимо, не раз чувствовал себя, как у нас говорят, “*французом среди французов*”. <...>

Так, в Марселе Хрущев пел вместе с приглашенными “Марсельезу”, “Песню похода” и, поддержанный общим хором, запевал русскую песню волжских бурлаков. До этого он воздал должное традиционной “буйябэс” – рыбному супу с ароматными травами Прованса и сухому вину, которое дарят людям холмы Кассиса. <...>

В промышленном городе Тарб Никиту Хрущева *горячо* встретило рабочее население. Когда он вышел из аэровокзала, толпа, поняв, что издалека не разглядишь хорошенько гостя, опрокинула установленные полицией барьеры. Хрущев с *выражением большой сердечности на лице, подняв над головой соединенные в приветствии руки*, двинулся навстречу толпе, которую полицейским удалось кое-как задержать в двадцати метрах от него. Он *по-отечески наклонился и обнял* двух ребятишек, одетых в беарнские костюмы и выбежавших приветствовать его. <...>

Советскому гостю поднесли белоснежного барашка, сыр из Осси, корзины, наполненные початками кукурузы, бутылку бакского ликера “Изарра”. *Никита Сергеевич взял барашка на руки и опустил на мгновение лицо в его нежное руно* (согласно версии журнала «Советский Союз», он взял его на руки и нежно погладил²³. – Е. В.). *Раздался восторженный визг* детей, но *еще в большем восторге* были фотографы и кинооператоры. – Я люблю животных, – сказал Хрущев юношам и девушкам По. – Я доверяю этого ягненка вам, кормите его хорошо. Я буду справляться о нем. Давайте дадим ему имя “Мир”! Назавтра утром, перед тем как покинуть По, Хрущев совершил не предусмотренную программой прогулку по городу. Встречавшимся на пути детям он дарил новейшую советскую игрушку – маленький “лунник”».

В тексте делается акцент на простоту советского премьера, на его открытость, искренность, душевность, сердечность. Фиксируются его эмоциональные реакции, жесты. Подчеркивается естественное поведение советского руководителя: «На трибуне у микрофона Н.С. Хрущев. *Простым, непринужденным движением* он вешает шляпу на столбик трибуны, и *по лицам заметно, что этот простой жест пришелся по душе* американцам»²⁴. Неоднократно упомина-

²³ Советский Союз. 1960. № 5. С. 29.

²⁴ Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. С. 55.

ется его свойский образ и манера себя держать: «Симпатичный человек! Простой и веселый! Настоящий француз!». Тексты служат комментариями к фотографиям и во многом их дублируют, описывая их. Статья иллюстрирована снимками Никиты Сергеевича, где он стоит с распростертыми руками в Вердене, обнимает барашка в По, чокается бокалом вина в Бордо, приветствует толпу с балкона в Париже, встречается с бывшим пилотом авиаполка «Нормандия – Неман» в Истре. Приветственные жесты руководителя повторяются людской массой, усиливая их эффект.

в) Горячо / холодно

Идеология проявлялась имплицитно в широком использовании метафор. Так, в ленинское время доминирующей метафорой был «путь» («по пути к коммунизму», «ленинско-сталинским путем»), к концу 1920-х годов – «фронт» и «атака» [Брукс 2005, с. 233]. Для языка сталинской эпохи была характерна природная символика. В литературе этого времени описания природы и погоды соответствуют развитию сюжета и даны так, чтобы читателю была очевидна двуплановость этих фрагментов [Басовская 2004, с. 84]. Авторы используют общеизвестные символы (осень – увядание, весна – возрождение, ветер и выюга – неудержимая сила), употребляют экспрессивные слова («горестный», «властно», «нескончаемо», «бушевать», «разверзнуться»), а также местоимения и наречия («весь», «всякий», «каждый», «всюду», «езде»), что соответствует идеологическим установкам и «претендует на исчерпывающее объяснение природы и общества» [Басовская 2004, с. 85]. Подобная литература, в свою очередь, приучала «к штампованной, десемантизированной речи, и это не могло не сказаться на языковом сознании народа» [Басовская 2004, с. 86].

Само название хрущевского периода, оттепели, имеет культурные параллели и корни как на Западе, так и в России. К этой природной метафоре в свое время прибегали многие авторы, в том числе Фридрих Ницше в книге «Так говорил Заратустра», Дмитрий Мережковский в лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», а также Федор Тютчев в стихотворении «14-е декабря 1925 года» [Магомедова 2008, с. 80–82]. У двух последних оттепель обозначает перемены в русской общественной и политической жизни. В свою очередь распространение получила и метафора «подмораживания» России, подразумевавшая уничтожение последствий либеральных реформ Александра II [Магомедова 2008, с. 82]. Илья Эренбург был знаком с историей употребления этого слова и использовал его сознательно.

В хрущевский период природные метафоры становятся нормой описания политических отношений, чей спектр укладывался журналистами по температурной шкале «тепло–холодно». Так, война была «холодной», международный климат усилиями советского премьера «тепелел», а советского лидера всюду ожидал «горячий прием». Погода становится способом рассказать о дипломатических встречах.

«Над Вашингтоном ясное небо» – подзаголовок в статье о визите Н.С. Хрущева в Америку²⁵.

Нарастающий успех Хрущева во Франции сравнивается со «снежным комом, сорвавшимся в оттепельную пору с горного склона»²⁶.

В своем обращении к французам Н.С. Хрущев говорит о том, что «военные бури и грозы», «бушевавшие» над Европой, затронули оба народа – СССР и Франции²⁷.

Показательна речь, которую произнес Н.С. Хрущев на митинге трудящихся Москвы. В ней он поделился своими впечатлениями о визите в Америку. В частности, он так рассказывал о настроениях, предшествовавших поездке: «Они создавали такие *атмосферные условия, которые не согрели меня, хотя температура в США значительно выше, чем в Москве. Они хотели меня встретить холодным душем*. Особенно я был огорчен, когда в самолете, следуя из Москвы в Вашингтон, прочитал выступление вице-президента Никсона, приуроченное к моему приезду. Он избрал себе аудиторию, которую, казалось бы, никак нельзя заподозрить в какой-либо воинственности. Это была ассоциация зубных врачей. (*Оживление в зале.*) Однако господин Никсон произнес речь далеко не лекарственного значения. (*Смех в зале.*) Он к *зубной боли добавил, так сказать, холода*. Можно подумать, что он испугался, как бы действительно не наступило *потепление, как бы действительно “холодная война” не кончилась*. <...> Вы, очевидно, читали в газетах, как нас встречали в столице США, какую речь произнес президент. Я повторяться не буду, *это была теплая встреча*»²⁸. Далее силы, олицетворяющие «холодные» отношения, уподобляются злым духам, чертям, безумцам, «червячищам»: «Люди *пожимали мне руки, и я им отвечал тем же, и они аплодировали и улыбались*,

²⁵ Иванов Б. Мир шагает за океан // Огонек. 1959. № 39. С. 2.

²⁶ Полевой Б. Маршрутами дружбы // Огонек. 1960. № 14. С. 1.

²⁷ Хрущев Н.С. Народы хотят мира, и мы должны оправдать их ожидания // Советский Союз. 1960. № 5. С. 11.

²⁸ Хрущев Н.С. Речь на митинге трудящихся Москвы 28 сентября 1959 года // Советский Союз. 1959. № 11. С. 49.

улыбались так же, как вы, москвичи, улыбаетесь, встречая гостей, радуясь гостям и делая все, чтобы гости чувствовали себя так, как это бывает при хорошем приеме гостей. Когда мы приехали в Сан-Франциско, ярко светило солнце, был чудный, по-нашему летний день. Климат замечательного города был совершенно иным, лучи солнца обогрели нас, но еще теплее нам было от сердечной, непринужденной встречи. <...> Встречались нам и злые и хмурые американские лица. Было очень много хорошего, но нельзя забывать и плохое. Этот червячок, вернее, червячище, еще жив и может проявить свою жизненность в дальнейшем. <...> В Америке есть силы, которые действуют против нас, против ослабления напряженности, за сохранение “холодной войны”. Закрывать глаза на это значило бы проявить слабость в борьбе против этих злых сил, злых духов. Нет, их надо обнажить, их надо показать, их надо публично высечь, их надо поджарить, как чертей, на сковородке (Смех в зале, продолжительные аплодисменты.) <...> Но не будем сидеть сложа руки и ожидать рассвета, ожидать, куда будет склоняться стрелка международных отношений. Но и со своей стороны будем делать все, чтобы стрелка барометра шла не на бурю и даже не на попеременно, а показывала бы на ясно (Продолжительные аплодисменты.) <...> Народы должны надеть на этих безумцев смирительные рубашки. Мы верим в то, что государственный ум, человеческий разум победят (Аплодисменты). Говоря прекрасными словами Пушкина: Да здравствует разум! Да скроется тьма! (Продолжительные аплодисменты)»²⁹.

Журнал «Советский Союз» придерживается похожей стилистики: «Не секрет, что есть еще черви-короеды, пытающиеся подточить растущее дерево мира. <...> Уходят в прошлое времена, когда сквозняки “холодной войны” свободно разгуливали по планете. Теперь, особенно после поездки главы советского правительства в США, все решительнее побеждает теплый ветер миролюбия, стрелка барометра международной погоды движется в направлении от “бури” и “ненастья” к “ясно”. Вероятно, еще на одно отделение к “ясно” подвинется стрелка после намеченной на вторую половину марта 1960 года поездки Н.С. Хрущева во Францию»³⁰.

«Франция тепло, даже горячо приняла высокого советского гостя и еще больше поверила ему. Если к этому прибавить общественное мнение Франции, сердечными манифестациями высказавшееся в поддержку визита и франко-советской дружбы, то станет

²⁹ Хрущев Н.С. Речь на митинге трудящихся Москвы 28 сентября 1959 года. С. 50–52.

³⁰ Труд и мир близнецы // Советский Союз. 1959. № 12. С. 2.

совершенно ясно, что *политический климат в Европе значительно потеплел*»³¹.

Помимо использования сравнений политики с природой, в журналах можно встретить описание прямого воздействия на погоду представителей советской власти. Явление советского премьера обладает фактически магическим воздействием на окружающую действительность: «*Утро было хмурым, моросил дождь*. По дороге на аэродром мы встретили длинный черный лимузин: в Париж торопился канцлер Аденауэр. Но вот *тучи рассеялись, брызнуло веселое майское солнце*, – как раз тогда, когда на бетонной дорожке аэродрома приземлился советский самолет.

– Даже погода ведет себя символично, – заметил по этому поводу корреспондент одной французской газеты»³². На снимке рядом с текстом изображен Н.С. Хрущев в окружении людей, треплющий по щеке мальчика.

С похожим сопоставлением мы встречаемся и на страницах «Советского Союза»: «Утро Парижа было таким *весенним, солнечным, ярким* – не ощущалось даже обычной для города дымки, – что кто-то заметил: “Похоже, что *на небе франко-советских отношений нет ни одного облачка*”. Оптимисты не только украшают жизнь, они сила, которая ее переделывает»³³. На соседнем снимке – встреча в верхах, Хрущев жмет руку де Голлю. Жесты, телесные соприкосновения должны были трактоваться зрителем в соответствии с эпитетами в тексте, сообщавшими нужный градус эмоций для прочтения снимка. Определенные словесные штампы могли также переводиться на визуальный язык, дублируя сказанное в статье.

Тексты пронизаны бинарными оппозициями, в которых действующие политические силы наделены противоположными характеристиками. Через метафоры тепла и холода, света и тьмы, различных погодных условий характеризуются международные отношения, дается ключ к их категоризации. Подобные выражения задействуют физиологические реакции, апеллируют к телесной памяти, настраивая эмоциональное восприятие читателя в русле идеологической повестки.

Приведенные выше примеры представляют три различных телесных модуса, которые задает текст для нужной интерпретации снимков.

---

³¹ Грибачев Н. Визит во Францию // Советский Союз. 1960. № 5. С. 30.

³² Драчинский Н. Совещание в верхах сорвано правительством США. С. 1.

³³ Грибачев Н. Визит во Францию. С. 7.

Один из них можно обозначить как «субъектный», где через использование телесных метафор народ предстает как единый организм, как нечто целое, сливающееся в эмоциональном порыве с советским лидером. Народ как субъект наделен сердцем, он распаивает свои объятия и т. д. Читатель, в свою очередь, должен был себя идентифицировать как часть этого коллективного тела и примерить на себя описываемые чувства. На этом уровне также подчеркивается политическое единение, которое себя проявляет посредством физического акта – объятия или поцелуя.

Другой модус – «миметический», демонстрирующий функцию отражения. Н.С. Хрущев здесь уподобляется человеку из приветствующей его толпы, становится похожим на него. Народ, в свою очередь, отвечает ему тем же: жесты советского премьера тиражируются людской массой. Важную роль здесь играют эмоции участников коммуникации, которые отзеркаливают друг друга и убеждают аудиторию в правильности происходящего.

В третьем случае текст сообщает определенный «температурный» режим, регулируя эмоциональность читателя/зрителя, настраивая ее на определенный «градус». Метафоричная образность текста, колеблющаяся по шкале «горячо–холодно», выстраивает своего рода сенсорный фильтр, который определяет восприятие новости и ее героев. Этот модус в связи с его функцией можно назвать «регулирующим».

Сопровождающий текст интенсифицирует эмоции, что еще более усиливается визуальным рядом, который фокусируется на жестах и мимике людей. Слово и изображение умножают эмоциональное воздействие друг друга, но в то же время привносят в общее поле интерпретации свои коннотативные смыслы.

Оттепель меняет экспрессивность фона, на котором разворачивается репрезентация власти. Эпоха предпочитает тактильность, заполняя фотографическую плоскость народными толпами и политическими объятиями, и повышает градус демонстрируемых в кадре чувств. Сопровождающий снимки текст дает ключ к нужному прочтению изображения, регулирует степень и оттенок эмоционального жеста, создает рамки для интерпретации событий.

Литература

- Барт 2003 – *Барт Р.* Фотографическое сообщение // Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашиковых, 2003. С. 205–211.
- Басовская 2004 – *Басовская Е.Н.* Тоталитарный пейзаж: из наблюдений над языком сталинской эпохи // Проектное мышление сталинской эпохи. М.: РГГУ, 2004. С. 80–87.

- Брукс 2005 – Брукс Д. «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте» // Советская власть и медиа: Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб.: Академический проект, 2005. С. 228–241.
- Викулина 2012 – Викулина Е.И. Репрезентация тела в советской фотографии оттепели: Дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 347 с.
- Викулина 2019 – Викулина Е.И. «Чем они озабочены? Почему они улыбаются?»: эмоциональный репертуар в журнальной фотографии «оттепели» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 5. С. 129–147.
- Гудков, Ковшова 2007 – Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Магомедова 2008 – Магомедова Д.М. О генезисе литературно-политической метафоры «оттепели» // Социокультурный феномен шестидесятых: Сб. статей. М.: РГГУ, 2008. С. 79–83.
- Плампер 2018 – Плампер Я. История эмоций. М.: НЛО, 2018. 561 с.
- Reddy 2001 – Reddy W.M. The navigation of feeling. A framework for the history of emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

References

- Barthes, R. (2003), “The photographic message”, in Barthes, R. *The Fashion System. Articles about the Semiotics of Culture* [Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tur], Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, Moscow, Russia, pp. 205–211.
- Basovskaya, E.N. (2004), “Totalitarian landscape. From observations of the language of the Stalin era”, in Odesskii, M.P. (ed.), *Proektnoe myshlenie stalinskoi epokhi* [The design thinking of the Stalin period], RGGU, Moscow, Russia, pp. 80–87.
- Brooks, J. (2006), “People who do not read newspapers should be morally killed on the spot”, in Günther, H. and Hängsen, S. (eds.), *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet power and the media], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia, pp. 228–41.
- Gudkov, D.B. and Kovshova, M.L. (2007), *Telesnyi kod russkoi kul'tury. Materialy k slovaryu*. [The body code of Russian culture. Materials for the dictionary], Gnozis, Moscow, Russia.
- Magomedova, D.M. (2008), “On the genesis of the literary and political metaphor of the ‘thaw’”, in Tyupa, V.I. and Fedunina, O.V. (eds.), *Sotsiokul'turnyi fenomen shestidesyatykh* [Social and cultural phenomenon of the sixties], RGGU, Moscow.
- Plamper, J. (2018), *Istoriya emotsii* [The History of Emotions], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Reddy, W.M. (2001), *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Vikulina, E. (2012). “*Representation of the body in Soviet Photography of the Thaw*”, Ph.D. Thesis, Cultural Studies, RGGU, Moscow, Russia.

Vikulina, E.I. (2019), "What are they worried about? Why are they smiling? 'Emotional repertoire in magazines' photography of the 'ottepel' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 129–147.

Информация об авторе

Екатерина И. Викулина, кандидат культурологии, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vikulina.rsuh@gmail.com

Information about the author

Ekaterina I. Vikulina, Cand. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; vikulina.rsuh@gmail.com